

А. А. Строева

**Репертуарный контроль в провинции в 1920-е гг.
как часть цензурной политики Советского государства
(по материалам Курской и Воронежской губерний)**

В статье автор ставит цель на основе архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, осуществить комплексное изучение одного из направлений цензурной политики Советской России в 1920-е гг. Впервые предметом специального исследования стала деятельность провинциальных цензурных органов Центрально-Черноземного региона (конкретнее – Курской и Воронежской губерниях) в области контроля за репертуаром и зрелищами на этапе становления этой деятельности. Создание Главлита, а в последствие и Главреперткома, развитие организационной структуры на местах стали этапом организационного оформления цензурного аппарата. Автор акцентирует внимание на сложностях данного периода.

Ключевые слова: цензурная политика, цензурные органы, Главлит, Главрепертком, Центрально-Черноземный регион

Anna A. Stroeva

**Repertoire control in the province in the 1920's as a part of censorship policies
of the Soviet state (on materials of Kursk and Voronezh provinces)**

In the article the author aims on the basis of archival materials, many of which are introduced into the scientific circulation, carry out a comprehensive study of one of the directions of the censored policy of the Soviet Russia in the 1920's. For the first time the subject of a special study was the work of the provincial censorship bodies of the Central-Chernozem region (specifically, Kursk and Voronezh provinces) in the field of control over the repertoire and shows on the stage of the formation of this activity. The Creation of Glavlit, and in a consequence and Glavrepertkom, development of organizational structure on the ground became a stage of organization of the censorship of the machine. The author accents attention on the difficulties of this period.

Keywords: the censored policy, censorship bodies, Glavlit, Glavrepertkom, the Central-Chernozem region

Вопрос существования цензуры в обществе являлся актуальным и дискуссионным во все времена. И Российская империя, и Советский Союз знали институт цензуры. Сегодня статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу массовой информации и запрещает цензуру. Однако постижение прошлого и поступательное движение вперед с учетом имеющегося опыта невозможно без рассмотрения всех его аспектов.

Изучение института советской цензуры стало особенно популярно в последние десятилетия, когда запрет на открытое обсуждение этих вопросов был снят. Специалисты разных областей освещают в своих работах различные аспекты данной проблемы – начиная от политических функций цензурного контроля и заканчивая ее влиянием на развитие русского искусства. Можно назвать целый ряд авторов, посвятивших свои труды исследованию вопросов цензуры в СССР: А. В. Блюм, Т. М. Горяева, М. В. Зеленев и многие другие¹. В настоящий момент ведется активное изучение практики цензорской деятельности на местах, но систематического рассмотрения данных вопросов на территории

Центрально-Черноземного региона в годы советской власти до сих пор предпринято не было.

Проблемы изучения организации и практики цензурной деятельности вызваны скудностью архивных источников по данному периоду. Широко известен описанный А. В. Блюмом факт утраты архивов Главлита с 1922 до 1938 г. К сожалению, ситуация на местах обстоит не намного лучше. Источниковой базой данного исследования послужили документы Государственных архивов Курской и Воронежской областей. Документы гублитов за 1920-е гг. частично сохранились в фондах Губернских отделов народного образования, так как изначально они являлись его подотделами. А вот документы, относящиеся к 1928–1934 гг., в местных архивах, к сожалению, не сохранились.

Для создания эффективного механизма цензурного контроля в стране в 1922 г. при Наркомпросе РСФСР было создано Главное управление по делам литературы и издательств – Главлит, который объединил функции целого ряда разрозненных цензурных учреждений, существовавших ранее. С этого момента ни одно произведение – будь то открытка, газета или

театральная постановка – не могло увидеть свет без визы Главлита. Для осуществления цензурного контроля за различными видами искусства при Главлите создавались специализированные отделы и органы. Так, постановлением от 9 февраля 1923 г. в системе Наркомпроса появился новый орган – Главный репертуарный комитет, или Главрепертком. На новый цензурный орган возлагались функции просмотра всех драматических и кинематографических произведений, разрешение зрелищных мероприятий, составление списков разрешенных и запрещенных произведений.

К этому времени уже началось создание сети цензурных органов на местах, которые подчинялись Главлиту. А с 1923 г. им также добавились и функции по контролю за репертуаром. Специализированных комиссий на местах создано не было. Начиная с этого времени отчеты по цензуре с мест направлялись в Главлит, а отдельный отчет по репертуару – в Главрепертком.

Работа цензуры по контролю за репертуаром на местах в период 1923–1925 гг. находилась на этапе становления, так же как и вся практика цензорской деятельности в стране и ее регионах. Постановлением СНК от 9 февраля 1923 г. репертуарные комиссии в губерниях были распущены. После этого контроль за репертуаром в губернии возлагался единолично на губинспектора печати и зрелищ, а в уездах – на уездных инспекторов. Губернские отделы по делам литературы и издательств в Курской и Воронежской губерниях давали принципиальное разрешение (или же накладывал запрет) на демонстрацию того или иного зрелища, а органы ГПУ следили за соблюдением порядка по этому вопросу. В Курске, как отмечалось в отчете о работе гублита, эта работа велась удовлетворительно, а в уездах Курской губернии в 1924 г. была еще недостаточной налажена и только начинала свое становление. Чуть позже, в 1924 г., была организована художественная часть при губполитпросвете, которая подключилась к работе по контролю за репертуаром. Разрешение или запрет на демонстрацию зрелищ по-прежнему выдавались гублитом, но по согласованию с художественной частью². До середины лета 1924 г. курский губинспектор печати и зрелищ Чернов в своем отчете по реперткому не отмечает следов плановой работы по этой части, так как один губцензор не мог справиться со всем объемом работы. Губинспектор описывает сложившееся плачевное положение так: «Регистрация произведений велась отрывочно и неполно, много постановок ускользало от предварительного контроля, последующий контроль производился агентом политического

контроля ГПУ по собственному почину, не будучи связан с гублитом ежедневными сообщениями о выданных разрешениях в настоящее время. Копии эстрадного репертуара не оставались, и в лучшем случае последние лишь регистрировались, ограничиваясь иногда только названием без определения формы и характера произведений. Выявить, какая из пьес прошла наибольшее количество раз, не представляется возможным, так как календарного порядка регистрации не производилось. Пьеса, если фиксировалась один раз, могла идти за тем несколько раз, не оставляя следов в гублите»³.

Связь гублита с уездами Курской губернии по вопросам репертуара стала налаживаться только к концу 1924 г. В Воронежской губернии ситуация обстояла не лучше. В марте 1926 г. из гублита последовали замечания инспекторам печати и зрелищ по Новохоперскому, Воронежскому и Россошанскому уездам, поскольку они не предоставили отчет за несколько месяцев 1925 г. и январь–февраль 1926 г., несмотря на то, что отчеты необходимо было предоставлять в течение четырех суток. Это свидетельствует о плохо налаженных связях гублита с уездами. Причем, кроме замечания, заведующий воронежским гублитом Б. Дмитриев напомнил, что в случае повторения подобной ситуации уездные инспектора будут привлечены к ответственности за бездеятельность⁴.

В 1925 г. деятельность в области цензурного контроля в Воронежской губернии, в том числе распределение обязанностей по контролю за репертуаром, регулировалась распоряжением заведующим гублитом Б. Дмитриева. Так, сам заведующий осуществлял общее руководство всей работой гублита и руководил зрелищным делом в губернии. А на инспектора зрелищ С. Г. Бескровного возлагались уже более детально регламентированные обязанности: разрешение–запрещение зрелищных, публичных постановок в г. Воронеже; последующий контроль за всеми постановками в г. Воронеже; рассмотрение репертуара уездов, его оценка и представление на утверждение зав. гублитом; составление всей отчетности по зрелищному разделу губернской работы; ведение всех дел, связанных с разрешениями, запрещениями и контролем зрелищных постановок по указанию заведующего гублитом⁵. При этом никаких других обязанностей он не выполнял.

Среди рекомендаций курского гублита особенно настойчиво прозвучало желание вновь ввести репертуарные комиссии, так как при работе уездных цензоров по совместительству не хватало времени на осуществление качественной работы в области цензуры. Жалова-

лись также на несвоевременность поступления инструкций из Главреперткома и устаревшие списки разрешенных и запрещенных пьес. Но уже к концу 1925 г. появляются новые жалобы на недостаточное руководство работой местных цензоров со стороны Главреперткома.

За год работы (с 1 октября 1923 г. по 1 октября 1924 г.) в Курской губернии было выдано более 300 разрешений на устройство различных зрелищных и развлекательных мероприятий, прошло 90 кинофильмов. При этом в г. Курске функционировали два театра и два кинотеатра. В г. Воронеже в 1925 г. был произведен ремонт всех (трех) кинотеатров – «Кино», «Пролетарий», «Спартак». В репертуар воронежских театров зимнего сезона 1926–1927 гг. вошли 28 пьес, в том числе «Женская логика» Дж. К. Джерома, «Тайна замка Кенильворт» В. Гюго, «Гроза» А. Н. Островского, «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Фальшивая монета» М. Горького и другие⁶. Курский губинспектор печати и зрелищ Н. Чернявский с сожалением отмечает в своих отчетах в Главный репертуарный комитет аполитичность досуга курян. Так, большую часть развлекательных мероприятий составляли танцы. На 300 разрешенных развлекательных вечерах было прочитано всего 8 лекций, проведено 10 концертов гастролеров. Однако категорически запретить их как форму досуга возможности не было, поскольку именно эти танцевальные вечера давали наибольшие денежные сборы («на книгу, помощь студенчеству, доброфлоту, МОПР»)⁷. Впоследствии, в январе 1925 г., на заседании коллегии губернского агитационно-пропагандистского отдела было принято решение прекратить выдачу разрешений на устройство танцев с целью извлечения прибыли и даже вести борьбу с ними через качественную клубную работу⁸.

Клубной работе уделялось большое внимание. Так, 23 июля 1926 г. на «культурно-просветительном» при участии Воронежского ГС ПС» был заслушан доклад представителя воронежского гублита Чеховича о регистрации репертуара клубов г. Воронежа. В результате был принято постановление: «Постановили: 1. Обязать завклубов не позднее 25 числа каждого месяца представлять месячный план постановок и выступлений в клубе для утверждения гублитом. 2. Гублиту утвержденный репертуар сообщать клубам для руководства, причем замену репертуара постановками, не вошедшими в список, производить в обычном для регистрации репертуара порядке. 3. В месячный план включать и выступления кружков (музыкального, хорового и проч.). 4. На основе обмена мнений просить гублит выработать инструкцию о порядке регистрации клубного репертуара. 5. Дать соот-

ветствующие указания в уезды, согласовав их с ГС ПС для руководства»⁹. Это отражало общую тенденцию того времени, желание партии контролировать все сферы жизни общества, сделать досуг средством воспитания. Однако в клубной работе продолжали встречаться нарушения. Так, в 1926 г. воронежским гублитом было замечено, что некоторые клубы устраивают зрелищные постановки (спектакли, концерты, кино и проч.) без получения разрешения от гублита. Такие действия являлись нарушением 224 статьи Уголовного кодекса. Все клубы были обязаны получать предварительное разрешение от гублита, для чего подавалось заявление в строго определенной форме. В результате таких нарушений клуб мог быть закрыт, а дело предавалось в прокуратуру¹⁰.

Заведующий курским гублитом Н. Чернявский в своем отчете отмечал большую перегрузку всего одного ответственного работника, который, кроме печатных материалов, просматривал еще и художественные произведения: «В особенности это чувствуется в осенний и зимний период, когда постановками занимаются, выражаясь грубо, кому не лень»¹¹. Все это болезненно отражалось на работе гублита, вело к задержке материалов и нареканиям сверху. В связи с этими обстоятельствами в штат гублита по согласованию губернского отдела народного образования с губпросом был введен заместитель заведующего, однако штатная комиссия при губернской рабоче-крестьянской инспекции эту должность не утвердила, и от нее пришлось отказаться. Еще одним поводом для жалоб стало отсутствие технического аппарата в уездах. Делопроизводителей при уездных цензорах не было, все обязанности по цензуре, в том числе и по репертуарному контролю, осуществлял один человек – уездный цензор, и без того совмещавший эту деятельность со своей основной работой. Все это приводило к механической выдаче разрешений, «без учета и просмотра».

Эти жалобы возымели свое действие. В результате в 1926 г. Главный репертуарный комитет разработал проект по контролю за репертуаром в уездах и деревнях. И в течение 1926 г. соответствующим органам на местах предлагалась ознакомиться с ним и представить до 20 августа свои соображения по этому вопросу в Главрепертком. Заведующий воронежским гублитом предложил следующее: выработать более подробный список пьес, рекомендованных для постановки в деревне; договориться через центральные киноорганизации с местными киноорганизациями о выделении в обязательном порядке определенного процента – не менее 25 % – кинокартин современно-воспитательного

характера для деревни, а наблюдение за выполнением этого требования возложить на местные органы политпросвета; изменить отчет о работе деревенских и городских «литов» (перечень зрелищных постановок выслать лишь на пьесы, пропущенные по литеру Б, и те пьесы, которые пропущены на основе местного просмотра (хотя в списках Главреперткомта таковых не имелось), о всех же пьесах, разрешенных Главреперткомом по литеру А, давать общую цифровую сводку, это позволяло уменьшить громоздкость отчета и сделать работу «литов» более ясной, а текстовый отчет оставить прежним)¹². Эти замечания впоследствии будут частично учтены.

Однако проблемы по организации цензурской деятельности по репертуарному контролю на местах продолжали оставаться значительными. Так, встречались случаи допущения рекламы постановок пьес под другим названием или без указания автора и количества действий в пьесах, некоторые уездные инспектора допускали к постановке пьесы, которых не было в списках Главреперткомта, или разрешали в одном и том же театре все пьесы по литеру Б. После обнаружения подобных случаев всегда следовали замечания со стороны гублита. Исключения составляли вещи клубного творчества, т. е. пьесы, написанные членами клуба и предназначенные для постановки в данном клубе. Они не требовали предварительного просмотра и разрешения со стороны гублита. Однако регистрация и последующий контроль за ними осуществлялся в общем порядке. Воронежский гублит объяснял, что «необходимо регулировать допущение пьес, стоящих под литером Б, так как они разрешены условно и больше всего носят характер не выдержанных по идеологическому содержанию, а, следовательно, мало желательны для исполнения при отсутствии квалифицированных сил артистов, которые могли бы художественным выполнением скрасить идеологические недочеты пьесы»¹³.

Замечания со стороны гублита были вызваны и неудовлетворительным цензурированием афиш уездными цензурными органами. Афиши часто были «составлены совершенно безграмотно» (например, «заголовок такого сорта „о принятии мер по борьбе с порчей и хищением (?) телеграфно-телефонных и других железнодорожных сооружений“ (?). Заголовок безграмотен. Смысл тот, что могут быть хищения ж/д станций, будок, семафоров, депо и всего, что относится к ж/д сооружениям»), в них указывалась запрещенная информация (например, что «„сбор поступит в пользу деткомиссии ли, Мопра, Авиохима и т. д.“, точно так же, что эти организации являются устроителями, когда устраиваются

зрелища легкого жанра»), они рекламировали явления запрещенные (например, танцы в школах) и другие¹⁴.

Все это наглядно демонстрирует, что, как организация работы по контролю на местах, так и кадровая политика в этом вопросе, нуждались в дальнейшем совершенствовании.

При этом довольно часто встречались случаи нарушений цензурных запретов со стороны актеров. В Воронежской губернии известен целый ряд таких случаев. В апреле–мае 1926 г. в Большом советском театре инспектор зрелищ С. Г. Бескровный зафиксировал целый ряд нарушений во время спектакля. Так, 21 апреля 1926 г. актер Владимирский, исполнявший роль графа Альмавива в постановке «Севильский цирюльник», «допустил со сцены отсебятину и выпад в адрес гублита, сказав „Это гублитом запрещено!“». А 5 мая актер Арбатов, который исполнял роль нотариуса в опере «Корневильские колокола», «допустил отсебятину и сказал: „Оперный коллектив не признан местным губотделом союза рабис“, а также высмеял слабое вовлечение в первомайскую демонстрации профорганизаций, предлагая подойти к нему для регистрации всех неявившихся и желающих идти на новую демонстрации, а также высмеял администрацию Большого советского театра и руководителей коллектива». Но на этом волности артистов в этот день не закончились. В 3 акте артист Гаврилов на вопрос «Какую школу вы кончили?» ответил «Таковую же, как и вы, т. е. школу ликбеза». В 4 акте он же, объявляя танцы, сказал «вторым номером арапско-негритянские танцы в постановке „арапа Мусатова“» (Мусатов был руководителем балета коллектива)¹⁵. Остается только удивляться, как после стольких нарушений спектакль не был остановлен. Инспектор зрелищ составил акт о допущенных нарушениях, как и было положено в подобных случаях, и передал его политконтролю ОГПУ. Кроме того, за подобные действия могло последовать привлечение к судебной ответственности по ст. 224 УК РСФСР.

Таким образом, в 20-е гг. XX столетия в Советской России начал создаваться универсальный механизм цензурного контроля, и цензурная деятельность, существовавшая и до этого, получила свое институциональное оформление. Для объединения всех видов цензуры был создан Главлит и обширная сеть его местных органов. С 1923 г. функции по контролю за репертуаром были переданы новому органу цензуры – Главному репертуарному комитету. Однако специализированных цензурных учреждений по контролю за репертуаром на местах создано не было. Работа по этому направлению добавилась

к обязанностям инспекторов печати и зрелищ на местах. Такая организация репертуарного контроля вызвала много неудобств и плохо сказывалась на качестве работ, как по данному направлению, так и в области цензуры в целом. К середине 20-х гг. завершается оформление цензурного аппарата в Курской и Воронежской губернии. Однако в отчетах «по реперткому», которые направлялись из губерний в центр ежегодно, а иногда и чаще, встречается много жалоб: перегрузка сотрудников цензурного контроля, недостаточность и разрозненность инструкций руководящих органов и многое другое. Все это свидетельствует о том, что работа в области цензурного контроля за репертуарной деятельностью на местах нуждалась в дальнейшем совершенствовании.

Примечания

¹ Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история совет. цензуры, 1917–1929. СПб., 1994; Его же. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. СПб.: Академ. проект, 2000; и др.; Горяева Т. М.

Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. М., 2002; Ее же. Радио России: полит. контроль радиовещания в 1920–1930-х гг.: документ. история. М., 2009; Зеленов М. В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б): цензура и ист. наука в 1920-е гг. Н. Новгород, 2000; Лютова К. В. Спецхран Библиотеки академии наук: из истории секрет. фондов. СПб., 1999; Глазков М. Н. Чистка фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939). М., 2001.

² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р–309. Оп. 8. Д. 171. Л. 10–10 об.

³ Там же. Л. 95–95 об.

⁴ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 1916. Л. 21.

⁵ Там же. Д. 1918. Л. 7.

⁶ Там же. Д. 1917. Л. 41.

⁷ ГАКО. Ф. Р–309. Оп. 6. Д. 157. Л. 8 об.

⁸ Там же. Оп. 8. Д. 171. Л. 5.

⁹ ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 1917. Л. 13.

¹⁰ Там же. Д. 1916. Л. 9.

¹¹ ГАКО. Ф. Р–309. Оп. 8. Д. 171. Л. 179.

¹² ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 1915. Л. 46.

¹³ Там же. Д. 2101. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 1916. Л. 31.

¹⁵ Там же. Д. 2106. Л. 1, 5.